

ВСТРЕЧА

Недавно в Лондоне опубликован новый роман Ле Карре «Сингл и Сингл» («Single and Single»), действие которого происходит, в частности, в постперестроечной России. С Джоном Ле Карре беседует наш лондонский корреспондент Ефим БАРБАН.

— Вас нередко противопоставляют Иэну Флемингу. На мой взгляд, от жизнеописаний Джеймса Бонда ваши романы отличаются не только художественным уровнем, но и философией. Как бы вы ее определили?

— Я многим обязан Флемингу — хотя бы тем, что мы так непохожи. Прочитав его роман, читатель скажет: «Я хотел, чтобы это случилось со мной». Я же стремился показать мир разведки и шпионажа как микрокосм, часть реального мира, чтобы мой читатель сказал: «Господи, да это вполне мог быть я!» В свое время я был вовлечен в разные разведывательные операции, и мне хотелось заставить читателя испытать страх и беспокойство до такой степени, чтобы он отождествил себя с персонажами моих романов, теми посредственностями, которых я видел в жизни. Короче говоря, я писал для жертв, а Флеминг — для героев. В основе моих романов мысль о том, что человек — жертва социальных институтов, которые он сам создает. Моя работа включает и чисто человеческое, я бы сказал, социологическое измерение. Не думаю, что Флемингу приснилось бы это даже в самых амбициозных его снах.

— Лет 25 назад вы заметили, что вами движет надежда: когда-нибудь вы создадите нечто, чем будете гордиться. Сбылась ли эта надежда?

— Я никогда не был удовлетворен своими книгами. Возможно, ближе всего к реализации этой надежды я подошел в романе «Идеальный шпион», где в чисто литературном смысле примирился со своим отцом. Чтобы ответить на этот вопрос, я должен взглянуть на весь корпус своих книг, на их совокупность, и сказать: «Да, я совершил нечто, что не надеялся совершить». Маленький замкнутый мир, описанный в моих книгах, — метафора большого мира. Но ни одна моя книга не поразила центр мишени, куда я целился. Надеюсь, что я никогда не обрету конечного удовлетворения, ибо это означало бы утрату творческого стимула.

— Именно поэтому вы продолжаете писать?..

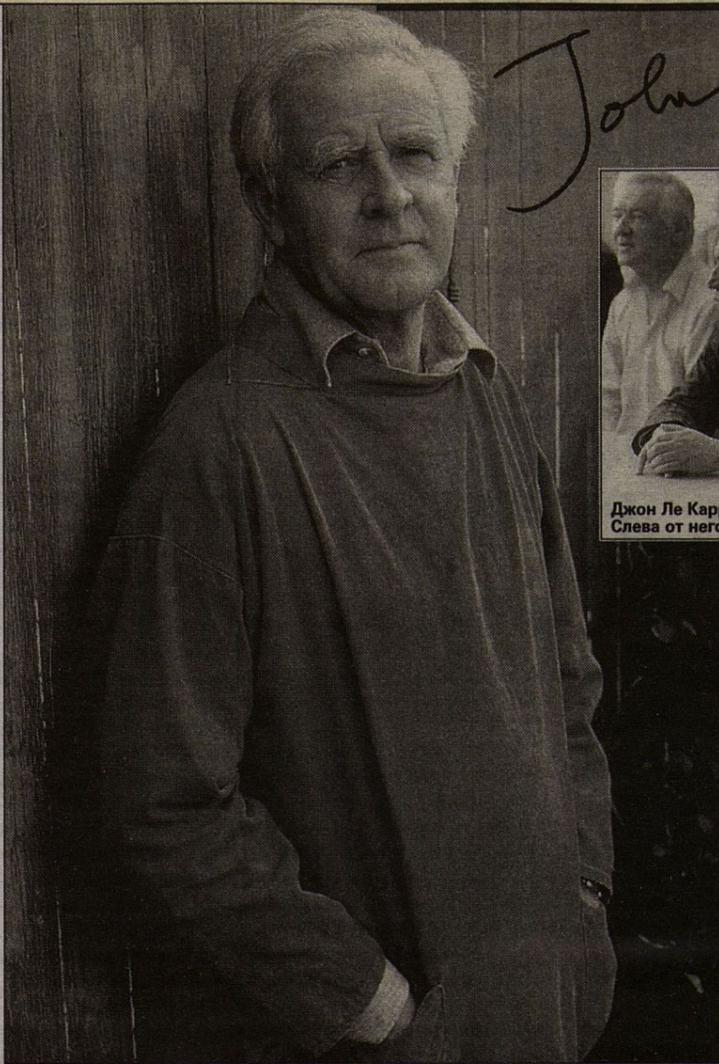
— Да, именно поэтому... Я не бедный человек, мне не нужно писать ради заработка. Однако, если день проходит без работы, он мне кажется бессмысленным и пустым.

— Как вы относитесь к главному герою ваших романов Джорджу Смайли?

— Мне он очень нравится. Особенно симпатичен он стал мне после ухода на пенсию. Многие повидать и познать, сохранив при этом способность действовать, на мой взгляд, — героическая черта. Если верить Скотту Фицджеральду, это признак гениальности. Смайли ощущает на своих плечах груз мира — а это не легче, чем тащить на себе коня в гору. Ухитриться выжить в таких условиях, следуя велениям совести, — само по себе достижение.

— Носит ли образ Смайли биографические черты его создателя?

— Писатели редко создают персонажи, хоть в какой-то мере не отражающие собственную личность. Смайли прекрасно выполняет свою работу. Он очень традиционен в частной жизни. Когда я начинал о нем писать, мне казалось, что я сам в полной мере обладаю этими качествами. Самое опасное место для него — дом. Думаю, это реминисценция моего детства. Смайли — поклонник германской литературной традиции. Долгое время я изучал немецкий: для меня это было бегством от английской сущности. Мы оба чувствуем себя деклассированными элементами, в лучшем случае наше

Джон Ле Карре во Фрунзе. Слева от него Чингиз Айтматов. 1987 год.

Каждая новая книга Джона Ле Карре — событие не только в литературной, но и общественной жизни Великобритании: она всегда связана с острыми политическими проблемами.

Твердокаменный либерал ДЖОН ЛЕ КАРРЕ

происхождение можно назвать мелкобуржуазным. Мы оба разведчики, оба оказались внедрены в британский истеблишмент. Думаю, Смайли относится к Англии как к чужой стране. Он чувствует себя неуклюжим, скверно одевается. Это наши общие черты.

— Кто повлиял на ваше творчество?

— Я люблю великих рассказчиков викторианской эпохи. Существует английская поговорка: «Даже кошке позволено глядеть на короля». Я почитаю Диккенса, великих русских классиков и очень часто вспоминаю Конрада. Их великие образы витают надо мной. В молодости я читал шпионские рассказы Сомерсета Моэма. И, конечно, огромное влияние оказал на меня Грэм Грин. Среди менее значительных влияний — П. Дж. Вудхауз, которого обычно не принимают всерьез, однако он мастер формы и диалога. Мне следует поблагодарить и Форин оффис. В бытность молодым чиновником мне приходилось писать множество отчетов. В британском МИДе к ним предъявляли очень высокие литературные требования — не менее высокие, чем к точности и ясности изложения. Каждый мог открыто критиковать вашу прозу. Это многому меня научило. Кроме того, в глубине души я немного немец. Серьезное воздействие оказали на меня концепция немецкого воспитательного романа и немецкие писатели, которых я читал в университете. Однако эти литературные влияния я не могу отделить от влияния самой жизни. Писатель ищет внешних воздействий для выражения собственного опыта. И за это он им благодарен.

— Интересует ли вас русская литература?

— Да, интересует. Я не очень хорошо знаком с современной русской прозой; прочел Булгакова, например (хотя он не очень-то современный писатель), Битова и других. Но я очень люблю великую русскую литературу XIX века.

Это величайшее достижение европейской культуры. Русская культура вообще мне очень интересна. В этой связи я вспоминаю обед в обществе Евгения Примакова — нынешнего российского премьера. Было это не так давно в Лондоне. Российский посол Анатолий Адамишин пригласил меня с женой на обед, где присутствовал Примаков, в то время министр иностранных дел. Примаков предложил тост и сказал, что мои книги пользуются большой популярностью в России. В ответ я заметил, что мне очень приятно, что мои книги получили признание в такой культурной сверхдержаве, как Россия. И тут Примаков поправил меня (а мы как раз до этого говорили о расширении НАТО на Восток): «И не только культурной».

— Вас начали публиковать в Советском Союзе в 70-е годы. В то время у нас печатали, как правило, лишь тех современных зарубежных авторов, которые критиковали Запад. Насколько силен был ваш антизападный критицизм? И чем вы объясняете, что для первой публикации в СССР был выбран ваш роман «Городок в Германии»?

— У меня самого вызвало замешательство, что советские власти выпустили эту книгу, чтобы показать возрождение нацизма в Западной Германии. В 60-е годы я работал в британском посольстве в Бонне. Это было довольно тревожное время, когда в ФРГ начали игнорировать некоторые постановления Нюрнбергского трибунала и вышло много бывших нацистов. В книге, конечно, есть критика Запада, но не с целью возвеличить советскую систему. Одно из важнейших достижений западной демократии — в способности постоянно себя критиковать. Поэтому меня так обеспокоила публикация этой книги советскими властями, чтобы укрепить свою позицию в германском вопросе. Я ни в коей мере к этому не стремился.

— Почему вы выбрали жанры триллера и шпионского романа?

— Прежде всего потому, что шпионский роман захватывает многих. Читатель хочет, чтобы ему рассказывали о тайных сторонах бытия. Ведь большинство из нас верит, что тайны существуют и в нашей собственной жизни. Ну хотя бы интимные ее стороны, тайные помыслы, мысли о близких. На мой взгляд, мои книги о людях, живущих двойной жизнью, в точности отражают то, как мои читатели ведут себя в жизни реальной.

— Какую из ваших книг вы считаете лучшей?

— Возможно, «Идеального шпиона». Как я уже сказал, в этом романе я завершил внутреннюю войну со своим отцом. Эта книга стала вехой в моей работе, и я почувствовал огромное облегчение, завершив ее.

— Относитесь ли вы к своим книгам как к своего рода посланиям или проповедям?

— Нужно быть очень осторожным с посланиями. Если вы правильно строите сюжет, идея обнажается сама собой. В голливудских фильмах всегда возникает момент, когда думаешь: «Ну вот, тебе начинают читать мораль», — ведь там всегда стремятся завершить трагедию хэппи-эндом. В своих книгах я стремлюсь лишь исподволь, незаметно, как бы «органично» поведать о собственных помыслах и идеях. Если вы, к примеру, возьмете мой роман «Шпион, который пришел с холода», там, к моему прискорбию и позору, есть место, когда действие останавливается и возникает авторское послание: герой романа начинает морализировать и объяснять, что значит быть шпионом и как это трудно понять окружающим. Тут я сплеховал. Однако

в целом я хочу оставаться достаточно скрытным рассказчиком, мне не хотелось бы поучать читателя.

— Каковы ваши политические убеждения?

— Я принадлежу к крайнему, так сказать, «экстремистскому» центру и считаю себя твердокаменным либералом. В Англии меня считают социалистом. Как и герой моих романов Джордж Смайли, я полагаю, что преуспеть может практически любая политическая система, построенная на гуманности. А режимы, в основе которых злой умысел, низменные намерения, алчность, обречены на гибель. Так что у меня абсолютно прагматический подход к политике. Не думаю, что прогресс (если это слово здесь подходит) повсюду в мире развивается равномерно. Нынешний идеологический, духовный и квазирелигиозный конфликт с миром ислама — пример коллективного западного высокомерия, которое требует, чтобы все в мире достигли того же состояния скептицизма, цинизма и агностицизма, к которому пришел Запад.

— Похоже, вы не очень оптимистичны в отношении западной цивилизации...

— Победив коммунизм, Западу необходимо победить капитализм. А это задача потруднее. Мы не можем бесконечно расходовать ресурсы нашей небольшой планеты. Мы должны определить, что нам реально необходимо, и ограничить размеры благосостояния и индивидуального богатства. А также масштабы нашей коллективной алчности. Не следует ориентироваться на растущее изобилие. Нужно взяться за искоренение подлинного зла: голода, расизма, бедности. И если мы не решим этих проблем, мировой кризис будет продолжаться.

— Играет ли религия какую-то роль в вашей жизни и творчестве?

— Меня всегда интересовали предназначение человека и политическая ответственность — почти в сакральном смысле. На мой взгляд, власть и могущество даются одновременно с ответственностью использовать их в гуманных целях. Честно говоря, я отвергаю слово «религия» и предпочитаю ему «духовность». Мне крайне претит организованная религиозная жизнь. Индивидуальная духовность всегда значительнее и выше организованного исповедания доктрины. Сходную точку зрения я встретил в мемуарах Сахарова. Кстати, я встречался с ним, и у нас состоялся очень интересный разговор. В первой главе своих мемуаров Сахаров вопрошает: «Можно ли меня назвать верующим человеком? Нет, я не принадлежу ни к какой организованной конфессии. Однако мне трудно поверить, что на мир не оказывает влияния некая высшая и милосердная сила». Я полностью согласен с этим.

— В начале беседы вы сказали, что человек становится пленником им же самим создаваемых социальных институтов... Вы твердо в это верите?

— Безусловно. Создавая, к примеру, организованную конфессию, мы тем самым изменяем, даже отрицаем саму природу Бога, которому поклоняемся. Очень часто, учреждая разные корпоративные организации, мы считаем возможным пренебречь индивидуальной моралью. То зло, на которое мы способны, находясь в такого рода объединениях, мы никогда не смогли бы причинить своему соседу.

— Если бы кто-то назвал вас моралистом, что бы вы ответили?

— На меня столько раз вешали всякие ярлыки, что этот не кажется мне самым худшим. Думаю, каждый писатель претендует на подтекст.

ДОСЬЕ «МН»

Джон Ле Карре (подлинное имя Дэвид Джон Мур Корнуэлл) родился 19 октября 1931 г. в Англии. Учился в Оксфордском и Бернском университетах. Преподавал французский и немецкий языки в Итоне. Работал в МИДе Великобритании, вторым секретарем посольства в Бонне, консулом в Гамбурге, в английской разведке. Автор 18 романов. Среди них: «Шпион, который пришел с холода», «Городок в Германии», «Идеальный шпион», «Русский дом», «Сингл и Сингл». По девяти его романам сняты кино- и телефильмы. Живет в Лондоне и Корнуолле.

Le Carre
Dmitri

11.5.99